

В родовом зале было темно. Ци Янь медленно зажег свечу, его пальцы слегка дрожали, он не был уверен, было ли это из-за холода или боли.

Когда дом разграбили в прошлый раз, в родовом зале царил беспорядок, а по всему полу были разбросаны таблички с именами предков. За последние два дня Лай Фу подобрал их, почистил и аккуратно расставил на прежние места.

Ци Янь долго смотрел на имена на мемориальных досках. Затем он приподнялся, слез с инвалидной коляски и опустился на колени перед ними.

Его колени тяжело ударились о землю, а сухожилия, которые давно были разорваны, почувствовали невыносимую боль, как будто тупой нож врезался в кость. Однако он не издал ни звука. Вместо этого он сложил руки вместе и прижал их к холодной земле, потом медленно склонил голову.

Мерцающий свет свечи заставил золотые слова на табличках замерцать.

Из-за открытой двери в зал попадали капли дождя. Туда, где на земле по диагонали растянулась неясная человеческая фигура.

«Ци Янь виноват», — раздался в тихом родовом зале низкий и хриплый голос. «Он не оправдал высоких надежд своих предков и опозорил семью Ци. Из-за своей ошибки, он потянул за собой всю семью и стал причиной смерти родственников. Он не оправдал милости Его Величества и стремлений своего отца. Он опозорен перед небесами и людьми. Он неверен, непочтителен, недобр и несправедлив... Его преступления слишком многочисленны, чтобы их перечислять, и смерть не может искупить их».

Дрожащий голос эхом разнесся по пустому родовому залу. Мяо Шуан уставился на худую фигуру и нахмурился.

Эти слова...звучат так знакомо.

В глубине сознания пробудились давно забытые воспоминания. Там также была фигура, стоявшая на коленях на земле, но лицом не к табличкам родового зала, а к бесконечной винтовой лестнице, ведущей вверх .

«Этот глупый ученик не оправдал больших надежд своих родителей. Я не могу отплатить за доброту, которую они оказали мне, дав мне рождение. Я нарушил бессмертные правила секты, игнорировал учения моего учителя, был ленив и недисциплинирован. Я никогда не совершу великих дел. Я неверен, непочтителен, недобр и несправедлив... Я прощаюсь сегодня и никогда не вернусь».

Молодой человек тяжело поклонился в сторону бессмертной лестницы, окутанной облаками

и туманом. Его слова были полны нежелания, и он чуть не заплакал.

Этот голос... его собственный?

Как это возможно...

Он, Владыка демонов, всегда был свободен и одинок, так где же его родители, секта или мастер... Что, черт возьми, происходит?

Неправильно.

Демоны-культураторы — тоже люди. Как люди, они должны иметь прошлое и родителей. Кто его родители? Сколько у него родственников? Откуда он? Он вообще ничего об этом не помнил.

Он был Повелителем Демонов долгое время и обосновался на Пике Десяти Тысяч Демонов более тысячи семисот лет назад, но что было до этого? Он вообще не мог вспомнить, как стал Повелителем Демонов и почему следовал дьявольскому пути.

Как будто иголка пронзила его висок, и голова начала болеть без всякого причины.

Тело Мяо Шуан покачнулось, и ему подсознательно захотелось за что-нибудь ухватиться, поэтому ее рука надавила на дверную панель. Дверь двинулась и издала тихий звук.

Шум заставил Ци Яня вздрогнуть. Он медленно поднял голову, его влажные глаза все еще были налиты кровью: «Зачем ты здесь?»

Необъяснимое воспоминание и внезапная головная боль разозлили Мяо Шуана, и он с досадой сказал: «Пришел посмотреть, что делает генерал среди ночи».

Ци Янь поджал губы: «Я тебя разбудил?»

«А ты, как думаешь?» Мяо Шуан подошел к нему и пнул его по икре: «Вставай, почему ты стоишь на коленях на земле в такую погоду? Неужели тебе больше не нужны эти ноги?»

Ци Янь был равнодушен и остался стоять на коленях: «Не имеет значения, я все равно инвалид».

Мяо Шуан достал костяное лезвие: «Тогда я помогу тебе отрезать их прямо сейчас».

Ци Янь взглянул на трехдюймовый костяной нож и многозначительно улыбнулся: «Твоя штука хороша для перерезания глоток, но слишком коротка для ног. Я истеку кровью, прежде

чем ты успеешь их отрезать. Тебе стоит сменить лезвие на более длинное».

Мяо Шуан: «...»

Он посмотрел в глаза другого, но не увидел в них улыбки, только глубокую грусть и тоску.

«Ты серьезно относишься к тому, что только что сказал? Ты действительно думаешь, что заслуживаешь смерти?»

Ци Янь горько рассмеялся: «Я повел свои войска и устроил резню в деревне Мяо, ограбил ваши святыни, убил твоих людей и разрушил твой дом. Разве в глазах великого шамана я не заслуживаю смерти?»

Мяо Шуан повернул клинок в руке и прижал его к шее мужчины.

Ци Янь стоя на коленях, закрыл глаза.

«...Тебе так больно, что твой мозг сошел с ума?» Мяо Шуан надавил и кончик ножа оставил кровавый след на его шее. «Если ты действительно хотел умереть, зачем ты отдал пустую шкатулку императору?»

Ци Янь ничего не сказал.

«Ты знал, что это ловушка, но все равно бросился в нее. Ты знал, что император хочет убить тебя. Если ты отдал бы ему Священного Гу, ты стал бы бесполезен для него. Если бы ты не нашел бы святыню, он объявил бы, что ты сговорился с врагом, и тебя казнили».

Мяо Шуан приставил кончик ножа к его горлу: «Но ты протянул ему пустую шкатулку. Подозрительный император не мог не усомниться — существует ли Священный Гу на самом деле? Ты присвоил его? Если да, то где ты его спрятал? Поэтому ему пришлось пощадить твою жизнь, посадить тебя в тюрьму и пытаться каждый день. Ты терпел три месяца, не говоря ни слова, а теперь говоришь мне, что хочешь умереть?!»

Мяо Шуан не знал, откуда взялся его гнев. Он мечтал убить Бессмертного Бо Яна, но Ци Янь должен был сражаться с ним насмерть, и его гордость должна была быть сломлена его собственными руками и сброшена с облаков. Этот человек не должен был стоять перед ним на коленях, как сейчас, и подставлять свое горло.

Это все равно, что раздавить муравья.

Он поднял подбородок мужчины кончиком ножа, заставляя его посмотреть на себя: «Я не убью тебя, генерал. Ты убил моих людей и украл мою святыню. Как я мог позволить тебе так

легко умереть? Это было бы слишком просто для тебя».

Он коснулся лица Ци Яня и просунул большой палец между его губ. Его улыбка была особенно лукавой в тусклом свете свечи: «Ты хочешь умереть, не попробовав всех моих ядов? Это тебе не удастся».

Красные глаза Ци Яня были жестокими и зловещими: «Если ты не убьешь меня сегодня, я сам уничтожу тебя когда-нибудь».

«Я подожду и посмотрю».

Холодное намерение убийства распространилось в родовом зале. Мяо Шуан, который, казалось, мог замучить человека на коленях одним взглядом, опустил голову и поцеловал его в губы.

Бледные, сухие губы были холодными от дождя, но попробовав их на вкус, стало понятно, что внутренняя часть рта очень горячая.

Когда его губы поцеловали, Ци Янь невольно напрягся, в его глазах мелькнуло удивление — это место, родовый зал семьи Ци! Хотя он знал, что у Мяо Шуана нет чувства стыда, он никогда не думал, что этот негодяй осмелится поцеловать его в родовом зале.

Скрижали его предков молчали во тьме. Невыразимая тошнота и гнев поднялись в одно мгновение. Неизвестно, было ли это из-за гнева или по какой-то другой причине, уши Ци Яня покраснели. Он инстинктивно хотел оттолкнуть этого человека, но его руки были удержаны.

Холодные пальцы с силой сжались на его запястьях. Неизвестно, какое колдовство использовал этот мужчина из племени Мяо, но он лишь коснулся его кожи, а сухожилия в его руках, которые и так болели, внезапно онемели и полностью вышли из-под контроля.

Большая часть оставшейся способности к сопротивлению была утрачена. Брови Ци Яня были плотно нахмурены, и ему хотелось откусить змееподобный язык у себя во рту.

Сильная враждебность сделала поцелуй интенсивным и кровавым, а боль еще больше возбудила Мяо Шуан. Он не возражал против того, чтобы мужчина наносил ему раны.

Он потер его кадык кончиками пальцев. Ци Янь уже задыхался от его поцелуя и едва не задохнулся от такого давления. От боли и ощущения приближающейся смерти кожа на голове онемела, но он чувствовал себя до странного хорошо.